

Мария Тендрякова

Предисловие Александра Асмолова

МНОГООБРАЗИЕ ТИПИЧНОГО

*Очерки по культурно-исторической
психологии народов*

Мария Тендрякова

**Многообразиие типичного:
Очерки по культурно-
исторической психологии народов**

«Альпина Диджитал»

2026

УДК 159.9

ББК 71.1

Тендрякова М. В.

Многообразие типичного: Очерки по культурно-исторической психологии народов / М. В. Тендрякова — «Альпина Диджитал», 2026

ISBN 978-5-00-630612-7

Почему то, что в одной культуре кажется естественным, в другой выглядит странным, неправильным или даже опасным? Почему мы так легко мерим чужие поступки своим аршином – и так редко замечаем культурные сценарии, по которым живем сами? В книге «Многообразие типичного» психолог и культурный антрополог Мария Тендрякова показывает, как культура становится внутренней системой координат человека: задает представления о добре и зле, норме и нарушении, «своих» и «чужих», герою и изгою. Каждый человек неповторим, но при этом он несет в себе дух своего времени вместе с унаследованными от прошлых поколений традициями, страхами и стереотипами. Это не книга о «национальном характере» в бытовом смысле и не каталог отличий между народами. Это исследование того, как культура прорастает в мышление, поведение и повседневные реакции – от античных описаний «чужаков» до современных разговоров об этноцентризме, мифологическом мышлении и социальных нормах. Автор помогает увидеть, где в нас говорит индивидуальность, а где – общепринятые способы думать о мире. И главное – учит смотреть на другие культуры без высокомерия и страха, чтобы лучше понимать не только «чужих», но и самих себя. Книга представляет интерес как для широкого круга читателей, так и для специалистов в области психологии, социальной антропологии, социологии, а также для всех тех, чья профессиональная деятельность требует учитывать этнокультурную составляющую любого проекта или принимаемого решения – для педагогов, политиков, предпринимателей, юристов, журналистов и др.

УДК 159.9

ББК 71.1

ISBN 978-5-00-630612-7

© Тендрякова М. В., 2026

© Альпина Диджитал, 2026

Содержание

Инопланетяне среди нас: об искусстве преодоления нравственного и познавательного и эгоцентризма	9
Введение	12
от приспособления к преобразованию	15
Часть I	19
Глава 1	19
Предыстория становления научного знания	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Владимировна Тендрякова
Многообразие типичного:
Очерки по культурно-
исторической психологии народов

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Первое издание – 2019 г.

Книга была рекомендована к печати Институтом этнологии и антропологии РАН, РГГУ и Школой Антропологии Будущего РАНХиГС.

Научный редактор: *А. Г. Асмолов*

Рецензент член-корр. РАН: *С. А. Арутюнов*

Главный редактор: *С. Турко*

Руководитель проекта: *О. Равданис*

Арт-директор: *Ю. Буга*

Дизайн обложки: *А. Кравченко*

Корректоры: *М. Стимбирис, Е. Чудинова*

Компьютерная верстка: *П. Кондратович*

Бильд-редактор: *П. Марьин*

© Тендрякова М. В., 2026

© Асмолов А. Г., предисловие, 2026

© ООО «Альпина Паблицер», 2026

* * *

Мария Тендрякова

МНОГООБРАЗИЕ ТИПИЧНОГО

*Очерки по культурно-исторической
психологии народов*

АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР

Москва, 2026

менты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*Памяти Жени Аксенова,
без которого эта книга,
да и вся моя жизнь,
были бы совсем другими,
а книги, скорее всего,
и вовсе бы не было...*

Эта книга создавалась в течение многих лет, и вклад в нее внесли очень многие люди, даже те, кто совершенно не собирался этого делать. Спасибо замечательным творческим собеседникам и всем тем, кто оппонировал в нескончаемых научных дискуссиях, которые составляют суть атмосферы, царящей в Центре азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН и в Центре социальной антропологии РГГУ. Спасибо всем поколениям равнодушных студентов Центра социальной антропологии, чьи вопросы и критические атаки на лекциях и семинарах со всем запалом юношеского максимализма были источником вдохновения и постоянным подспудным двигателем работы над этой книгой.

Особая бесконечная благодарность А. Г. Асмолову, чья помощь выходит далеко за пределы этой книжки и разрастается до судьбоносных масштабов; поклон и благодарность Н. Л. Жуковской и С. А. Арутюнову, О. Ю. Артемовой, годы работы и общения с которыми несомненно внесли огромный вклад в мой образ мысли и, в конечном счете, в эту монографию; спасибо за доброе участие В. А. Тишковой, а также спасибо дорогим коллегам Е. А. Зверковой и Н. М. Хвастуновой.

Инопланетяне среди нас: об искусстве преодоления нравственного и познавательного и эгоцентризма

Человечеству во много раз легче расщепить атом, чем преодолеть собственные предрассудки.

ГОРДОН ОЛПОРТ

Можно ли создать особый путеводитель – путеводитель в иные цивилизации? Мудрая формула Фридриха Ницше: «Тот, кто знает "зачем", преодолевает почти любое "как"» – полностью приложима к своеобразному путеводителю в иные миры разума, который и является собой монография Марии Тендряковой «Многообразие типичного: Очерки по культурно-исторической психологии народов».

Рискну сказать, что перед нами вырисовывается новый облик антропологии – антропологии как ключа к разгадке образа мира человека в зеркале иных культур. Читая эту книгу, я еще раз убеждаюсь, что сегодня именно антропология может стать царицей наук о человеке, позволяющей нам обрести зоркость к пониманию своего Я через погружение в разнообразие иных культур.

Немало столетий и даже тысячелетий человечество неустанно ищет встреч с носителями иного разума, иной культуры и одновременно страшится этих встреч, не решаясь предсказать их последствия для своей собственной судьбы.

Мифы, сказки, утопии, фантастические романы, рисующие в воображении встречи с иными разумами, то обожествляют, то демонизируют общение с инопланетянами и... особо замечу, весьма редко поселяют представителей иных миров в своем собственном доме. Позволю лишь упомянуть в связи с этим о хрестоматийных сюжетах – от «Войны миров» Герберта Уэллса до ставших моделью для социализации многих поколений подростков и молодежи «Звездных войн».

Не исключаю, что вот-вот перед нами появится и новая «Библия от искусственного интеллекта» и первыми ее строками вполне могут стать следующие: и создал искусственный интеллект человека по образу и подобию своему. Опасаюсь, что моя грустная шутка может стать реальностью и нарушением иной библейской заповеди, которая звучит: «не сотвори себе кумира».

Как ни парадоксально, именно культурная антропология имеет шанс избавить человеческий разум от присущего ему антропоцентризма, наивной веры, что человек в эволюции является единственным венцом ее творения.

Все эти и подобные им фантазии, сказки и утопии, как это ни парадоксально, представляют собой попытки преодоления жесткого познавательного и нравственного эгоцентризма, которым долгое время страдали и продолжают страдать по сей день современные картины мира.

Эволюционный смысл научных революций, будь то коперниканская или эйнштейновская революция, превратившие мир классической физики Ньютона лишь в одну из реальностей, заключается в том числе в преодолении познавательного эгоцентризма, приведении в действие когнитивных и ценностных децентраций, позволяющих распознавать различные физические, социальные, ментальные вселенные рядом с нами, повышая чувствительность разума к разнообразию миров.

Монография психолога, этнолога и культурного антрополога Марии Тендряковой «Многообразие типичного: Очерки по культурно-исторической психологии народов» представляет собой путеводитель, еще раз сделаю на этом акцент, для путников в ментальные миры иных культур, иных цивилизаций, иных логик репрезентации различных картин и моделей мира.

Вступая благодаря этой книге в общение с иными культурами, читатель, к какому бы профессиональному цеху он ни принадлежал, получает шанс отрефлексировать то, насколько он сам в своем собственном мышлении порой оказывается в плену ловушек этноцентризма, европоцентризма и эволюционного снобизма.

Особенно велики риски при понимании эволюционного разнообразия разных типов культур. При взгляде на мир через оптику европоцентризма исследователи, политики и бизнесмены пытаются поместить иные миры в прокрустово ложе европейских культурных эталонов или, переходя на российскую лексику, мерить все на свой аршин.

Хочу всем напомнить в связи с этим строки замечательного детского писателя Бориса Заходера, его стихотворение «Ошибка Протагора»:

Тому,
Кто мерит все
На свой аршин,
Навряд ли суждено
Достичь вершин.

Сквозь призму эволюционного снобизма и европоцентризма мы то и дело расставляем на шкале времени «развитые» и «развивающиеся» страны; описываем «отстающие» и «догоняющие» модернизации; открываем и закрываем «окна» и «форточки» в Европу; проживаем синдромы «старших» и «младших» братьев с особым политическим прищуром; наделяем якобы отстающие культуры комплексами «неполноценности», «провинциальности» и «периферийности», а свою собственную культуру – «комплексом полноценности» и горделивого цивилизационного величия; чувствуем «сходства» и расцениваем как архаику «различия» любых иных культур. Печальным и даже трагичным итогом европоцентризма, эволюционного снобизма и лингвоцентризма является резкое падение нашей собственной чувствительности к пониманию, узнаванию и принятию Иного, Другого, Непохожего, которое оборачивается всплесками ксенофобии, этнофобии и агрессивного фундаментализма.

И именно потому, что антропология имеет самое прямое отношение как к пониманию других народов, так и к социальным и политическим действиям различных государственных игроков, вокруг самой сути и перспектив антропологии разгораются нешуточные страсти. Сошлюсь для иллюстрации интеллектуальных поединков в проблемном поле культурной антропологии на книги классика структурной антропологии Клода Леви-Строса «Узнавать себя: Антропология и проблема современности» (2016) и «Все мы каннибалы» (2019), а также на книгу возмутителя антропологического спокойствия неутомимого бразильского исследователя Эдуарду Вивейруш де Кастру «Каннибальские метафизики: Рубежи постструктурной антропологии» (2017).

Не поленюсь и, для того чтобы читатель рельефнее почувствовал то, в каком интеллектуальном котле появляется книга Марии Тендряковой, приведу обширный фрагмент из книги де Кастру, бросившего перчатку самому Клоду Леви-Стросу:

«Антропология вполне готова возложить на себя новую миссию и стать теорией-практикой непрерывной деколонизации мышления. Но, возможно, не все мы согласны с этим. Кто-то по-прежнему считает, что антропология – это зеркало общества <...>. В силу того, что в Ином всегда видится Тождественное, – и тогда можно сказать, что под маской другого "мы" созерцаем самих себя, – мы в итоге <...> интересуемся лишь тем, что "интересует нас", а именно нами самими.

Но настоящая антропология делает нечто противоположное – она "показывает нам тот образ нас самих, в котором нам себя не узнать" <...>

>, поскольку всякий опыт общения с другой культурой дает нам именно возможность поэкспериментировать с нашей собственной...» (де Кастру 2017: 9).

Книга Марии Тендряковой по гамбургскому счету и по духу ближе именно к «антропологии-практике». Она полна неожиданностей. И в своей культурно-исторической психологии народов автор показывает неведомое – образы нас Самих, в которых нам себя не узнать.

Уже само название книги «Многообразие типичного» несет в себе импульс развивающегося парадокса. Мы привыкли, что типичность, статичность, незыблемость, «консервация», инвариантность – в одной комнате нашего сознания; разнообразие, неповторимость, уникальность – в другой комнате сознания. И замысел найти и показать уникальность типичного, разнообразие типичного, своего рода «ментальную анатомию» разных видов культур выступает как дразнящая задача.

Решила ли эту задачу Мария Тендрякова? Удалось ли ей приоткрыть те образы уникальности типичного, в которых нам себя не узнать? Об этом судить читателю.

Меня же при чтении новой книги Марии Тендряковой, вышедшей после ее работ «Охота на ведьм» (год 2-го издания – 2019) и «Игровые миры: От homo ludens до геймера» (2015), не покидает *чувство, что сама эта книга представляет собой один из важных векторов проекта историко-эволюционной антропологии будущего.*

Вместе с Марией Тендряковой мы совершаем нефантастическое путешествие во времени и пространстве в Иные культуры. И возвращаясь из этих путешествий в свою культуру, мы, надеюсь, начинаем зорче видеть, что творится с нами, какое место мы занимаем в полифонии цивилизаций и как мы можем вести переговоры с теми, в ком нам себя не узнать.

От всей души желаю читателю, использовав в качестве точки опоры культурно-историческую антропологию, попытаться ощутить чувство раскрепощенного разума, которому удалось хоть в какой-то степени освободиться от оков познавательного эгоцентризма, преодолеть страхи встреч с Иными и обрести животворный заряд эволюционного оптимизма. Именно поэтому я завершаю предисловие к этой книге строчками из финальной сцены спектакля по мотивам пьесы Бертольта Брехта «Добрый человек из Сезуана», который уже в шестидесятые годы подарил многим моим сверстникам печальный свет и добрую надежду на будущее:

Другой герой? А если мир – другой?
А может, здесь нужны другие боги?
Иль вовсе без богов? Молчу в тревоге.
Так помогите нам! Беду поправьте
И мысль, и разум свой сюда направьте.
Попробуйте для доброго найти
К хорошему – хорошие пути.
Плохой конец – заранее отброшен.
Он должен,
должен,
должен быть хорошим!

*АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ,
заведующий кафедрой психологии личности МГУ им. М. В.
Ломоносова, научный руководитель Московского института
психоанализа, заслуженный профессор МГУ им. М. В.
Ломоносова, академик РАО*

Введение

Способы быть человеком

Людей меняет само знание того, что другие чем-то на них не похожи...

Антрополог также должен помочь властям посмотреть на себя со стороны...

К. М. КЛАКХОН

Много веков назад было сделано открытие, что в различных культурах царят разные нравы, люди по-разному ведут себя в сходных ситуациях, они по-разному трактуют события, у них разные вкусы и разные понятия о добре и зле. Люди отличаются друг от друга – не только как неповторимые индивидуальности, но и как представители своего народа, и как носители определенной культуры – тем комплексом характерных особенностей, моделей или рисунков поведения, привычек и стереотипов, о которых мы, как правило, не задумываемся, но которые временами заявляют о себе, и особенно громко в зоне культурного пограничья.

Как говорил известный американский антрополог Клайд Клакхон (Clyde M. Kluckhohn), именно в том и состоит самый трудный вопрос для всей социальной антропологии: что же делает человека представителем своей этнокультурной общности, что роднит его с нею, что, например, делает итальянца итальянцем, а японца японцем (Клакхон 1998: 231)?

Проблема *типичного* представителя своего народа, или чем одни народы отличаются от других, имеет свою давнюю историю. Во все времена «чужаков» сравнивали со «своими», при этом круг «своих» в зависимости от историко-культурного контекста ограничивался то своей тотемической группой, то полисом, то сословием, то разрастался до масштабов «народа» и даже «цивилизации». Сравнение могло обернуться обывательской ксенофобией, конфликтами, религиозной и/или этнической нетерпимостью, хорошо, если оно направлялось в русло исследовательского интереса к миру другого – благодаря последнему античные авторы и средневековые хронисты оставили нам богатое наследие, описывая соседних «варваров».

Более того, человечество бесконечно разнообразно не только в пространстве различных культур, но и во времени. Представители новой исторической науки (истории ментальности и исторической антропологии) отчетливо сформулировали, что *человек не является исторической константой* – нельзя забывать об исторической вариативности психологических особенностей. В разные эпохи и исторические моменты в разных странах психологическая/ментальная реальность различна, люди руководствуются различными чувствами, мотивами поведения и ценностями бытия. На семинарах по истории ментальности А. Я. Гуревич неоднократно подчеркивал это в лаконичной формуле: обращаясь к прошлому, историк должен следовать *презумпции инаковости*, не наделять представителей других времен и народов мыслями и чувствами собственных современников.

При этом психологи давно показали, что законы функционирования человеческой психики универсальны во всем мире, у всех народов и во все времена. Но каждая культура и историческая эпоха задают основные координаты жизни человека, предоставляя ему свой багаж знаний и опыта, накопленного поколениями. Каждая культура вырабатывает свою систему координат «хорошего» и «плохого», добра и зла, свои представления о «герое» и «изгое», равно как и понятия правильного и неправильного поведения, нормы и ее нарушения.

Каждое общество предлагает человеку свой сценарий собственно человеческого поведения – от способов удовлетворения витальных потребностей до реализации экзистенциальных сценариев жизни: «Культура – это способ быть человеком»¹.

Человеческому обществу, как замечает Ю. М. Лотман, присуще одно уникальное свойство: *изоморфизм части и целого*. «Человеческие структуры образованы как единство, состоящее из элементов, каждый из которых в отдельности изоморфен целому» (Лотман 2010: 58). Но это даже сложнее, чем фрактальная структура. Во фрактале часть множества в точности повторяет целое. Человек же повторяет общество, воплощает его в себе, и в то же время это «повторение без повторения» (формула Н. А. Бернштейна). Как элемент он «подобен целому и несет на себе все его основные свойства». Как личность он обладает такими качествами, «как сознание, ответственность, выбор решения... Он в этом отношении подобен человечеству – несет за него личную ответственность, принимает на себя его общие грехи и передает ему свои» (Там же: 58). Личность со своим самосознанием выступает «внешним наблюдателем» и «другим» по отношению к обществу в целом. И в этом своем качестве представляет собой один из существеннейших механизмов динамики культуры (Там же: 40–44).

Человек выступает как носитель традиционной системы ценностей и миропонимания, норм и стереотипов, представленных в его культуре, и реализует их в своей деятельности. Но и не только... Вычерчивая свой уникальный жизненный путь, являясь «внешним наблюдателем» и «другим», переживая и оценивая происходящее, совершая поступки и делая открытия, личность проявляется как индивидуальность.

Поступая *не так, как все*, человек может заслужить всеобщее признание и благодарность или же, напротив, навлечь на себя гнев и гонения со стороны существующей нормативной системы. В любом обществе действует формула: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» (Асмолов 1996: 430) (гл. 7).

Весь этот круг человеческого поведения, который задается временем и местом, от *этно- и социотипических* особенностей до непредсказуемых креативных действий «поверх барьеров» норм и традиций, входит в сферу научных интересов *культурно-исторической психологии народов*.

Несколько слов *о терминах и названиях*, которыми именовалась данная область исследований.

В течение нескольких десятилетий все, что связано с психологическими особенностями различных народов, в отечественной науке называли *этнопсихологией*. Понятие «этнопсихология» было введено нашим соотечественником, мыслителем и философом-идеалистом Г. Г. Шпетом. В 1927 г. вышла в свет его книга «Введение в этническую психологию». По Г. Г. Шпету, этнопсихология – это описательная дисциплина, исследующая психологию народа в целом.

Но современную западноевропейскую и американскую науку, настроенную на политкорректность, этот термин смущает. Не принято подчеркивать различия между людьми – будь то расовые или этнические особенности. В рамках американской традиции аналогичное направление называется *психологическая антропология*. Психологическая антропология сосредоточивается, прежде всего, на психологических особенностях людей, на моделях поведения, на механизмах социализации – механизмах включения человека в культуру.

Наиболее всеохватывающим названием области, которая так или иначе сосредоточивается на взаимодействии человека и социума и исследует психологию человека в неразрывном

¹ Это определение родилось в ходе дискуссий историков о предмете новой исторической науки и о сдвиге исследовательских интересов историков с событийной канвы на человека в истории с его мотивами поведения, переживаниями, представлениями о телесности, времени, пространстве и жизни после жизни: «Вместо описаний деяний "готового" человека историческая наука обращается теперь к изучению определенных способов быть человеком, к изучению разных типов рациональности...» (История ментальностей 1996: 38).

единстве с социокультурным контекстом его бытия, представляется *культурно-историческая психология народов*. Это название отдает долг психологии народов В. Вундта, который сделал первые попытки систематического изучения того, как культура воплощается в человеке (гл. 1), и указывает на родство с *культурно-исторической теорией развития психики* Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии.

Культурно-историческая теория развития психики

Генетически своей базовой методологией культурно-историческая психология народов восходит к направлению психологии, родившемуся в начале XX в. в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. Центральной для этого направления является проблема «представленности культуры в психике» человека (Коул 1997). В этом направлении в 1930-е гг. уже была представлена идея культурной обусловленности высших психических функций (мышления, речи, памяти, внимания) и выдвинута гипотеза сосуществования «пластов различной древности» в психической организации человека. Культура являет собою психологический инструментарий, при помощи которого человек реорганизует свою память и расширяет ее возможности, вооружается вербально-логическим мышлением, сознательно управляет своими психическими процессами. Выготский показал, как внешнее вспомогательное средство изменяет структуру психических функций человека (подробнее см. гл. 10).

Предметом исследования у Выготского, Леонтьева, Лурии и их последователей становятся механизмы перехода объективного мира, мира культуры и человеческого сознания. Культурно-историческая теория развития психики принципиально пересматривает взаимоотношения человека с окружающим его миром.

Культура преобразует психологию человека, «прорастая» в нее. Мир культуры – внутри человека, но в то же время это его среда жизнедеятельности.

Человек в культуре:

от приспособления к преобразованию

Существует великое множество определений культуры. Американские антропологи К. Клакхон и А. Крёбер, посвятившие в начале 1950-х гг. свой аналитический обзор понятию «культура», упоминают сотни различных определений (Kluckhohn et al. 1952). В основу большинства определений культуры заложена идея *адаптации* человека к среде его обитания.

За ними проступает образ человека как несовершенного представителя мира природы, которому самому пришлось «достраивать» свои физические возможности, не особо сильные конечности, отсутствующие клыки и крылья, чтобы выжить в острой конкуренции и удовлетворить свои потребности.

«...Удовлетворение органических, базовых потребностей индивида и человеческого рода в целом определяет минимальный набор требований, налагающий ограничения на всякую культуру», – Б. Малиновский, один из признанных классиков этнологии, выводит культуру из человеческих потребностей. Любая культура должна решать проблемы, «вытекающие из человеческой потребности питаться, размножаться и соблюдать гигиену. Они решаются путем создания новой, вторичной искусственной среды, ...которая и есть... не что иное, как культура...» (Малиновский 2000: 44). При этом сам Б. Малиновский замечает, что возникает «новое качество жизни», появляются новые потребности и новые ограничения, налагающиеся на поведение человека, возникают обычаи, этика, законы, механизмы передачи знаний (Там же: 44–47). То есть люди «организуют среду своего обитания» (Арутюнов 1989: 6).

Культура – негенетическая память социума

Адаптация

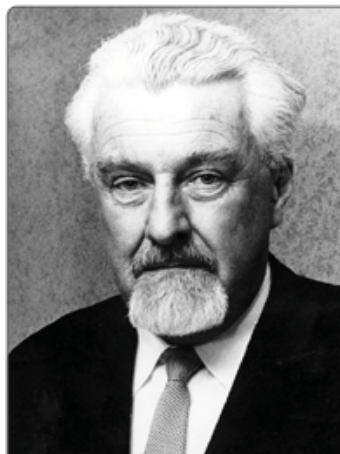
Хранение информации

Акцент переносится с адаптации на появление **новой формы хранения информации** – без редакции генома.

С появлением уникального человеческого мышления «счастливая догадка отдельного человека может навсегда... увеличить запас знаний всего человечества» (К. Лоренц).

Смена парадигмы:

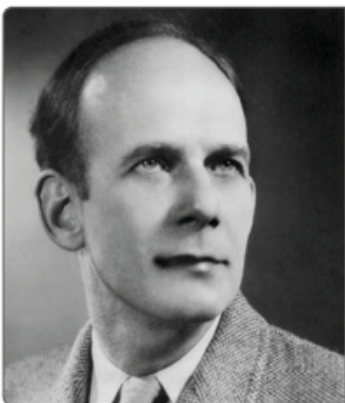
Адаптивная парадигма →
информационная парадигма.
Культура как форма хранения
и передачи знаний.

Конрад Лоренц
1903–1989

Только ли адаптация?

«Чем бы человек отличался от животного, если бы ему было нужно только необходимое и ничего лишнего?» (Шекспир).

«Культуры не только решают проблемы, но и создают их» (К. М. Клакхон) – комплексы страхов, неадекватные представления о мире, стереотипы и предрассудки...

Когда речь идет о человеке, само понимание адаптации в корне меняется: «Приспособление становится пустым словом, когда то, к чему происходит это приспособление, само несет на себе печать человеческого замысла» (К. Лоренц).

Человек создает себе принципиально новую среду обитания.
Человек – единственное существо, «конструирующее миры» (Асмолов 1996).

Взаимоотношения человека с окружающей средой принципиально отличаются от адаптации к среде обитания иных видов. Этолог К. Лоренц подчеркивает, что, когда речь идет о человеческой деятельности, само понимание адаптации в корне меняется: «*Приспособление* становится пустым словом, когда то, к чему происходит это приспособление, само несет на себе печать человеческого замысла» (Лоренц 2016: 517). Человек не просто приспосабливается к внешним обстоятельствам, но создает себе среду обитания.

Акцент переносится с адаптации на появление принципиально новой *формы хранения информации*. В эволюции природного мира знания приумножались путем закладывания информации в геном. С появлением же человека появляются уникальное человеческое мышление и культура, которые позволяют превратить кратковременную полезную информацию в «длительно сберегаемое сокровище выученного знания». Мгновенные прозрения не исчезают бесследно, а сохраняются и делаются наследуемыми: «Счастливая догадка отдельного человека может навсегда... увеличить запас знаний всего человечества» (Лоренц 2016).

Как рождается культура и как на самых ранних этапах эволюции человечества происходит развитие собственно человеческого мышления – пожалуй, одна из фундаментальных тайн нашего мира. Главное, что благодаря этому становятся возможными хранение и передача накопленного опыта без «редакции» генома, что заняло бы слишком много времени, исчисляющегося масштабами эволюции.

Культура выступает как негенетическая память социума, с одной стороны, и как новая среда жизнедеятельности человека, с другой.

Человек – единственное существо, «конструирующее миры» (Асмолов 1996).

* * *

Психологи А. Г. Асмолов и М. Коул предложили предельно широкое понимание культурно-исторического подхода, которое роднит его с такими направлениями, как история ментальности и историческая антропология, с культурологическими работами М. М. Бахтина, В. Я. Проппа, О. М. Фрейденаберг, со структуралистским анализом мифического мышления К. Леви-Строса; с некоторыми работами по психолингвистике, а также с наследием психологии народов В. Вундта и кросс-культурными исследованиями (Асмолов 1993; Коул 1997).

Культурно-историческая психология народов, у истоков которой стоят идеи Выготского, Леонтьева, Лурии, предметом своих исследований делает **человека как носителя и творца своей культуры, а значит, и мира, в котором он существует**. Она предельно расширяет исследовательское поле (по сравнению с этнопсихологией и даже психологической антропологией) тем, что сосредотачивается не только на изучении психологических аспектов этнокультурного пространства, но и обращает внимание на историческую вариативность психологических особенностей, и тем, что в конечном счете выходит на глобальные закономерности социокультурной обусловленности психики человека.

Часть I

Кризис методологии: от эволюционизма к антропоцентризму

Глава 1

Основные вехи становления культурно-исторической психологии

...Разве не ясна необходимость собрать отдельные лучи духовной жизни... в едином фокусе... сделать... предметом объединяющего и сравнивающего их исторического исследования?

В. ВУНДТ

Предыстория становления научного знания

Культурно-историческая психология народов / этнопсихология – это, с одной стороны, очень молодая научная дисциплина. Как научное направление свои первые шаги она сделала в конце XIX в. Потом о ней на полвека забыли или, скорее, она просто отошла на второй план. А еще позже, в 1930-е гг., на стыке социальной антропологии и психологии стало выкристаллизовываться это новое направление.

С другой стороны, предыстория этнопсихологии уходит корнями в глубь времен к работам античных авторов: Геродота, Гиппократ, Тацита, Плиния. Они описывают европейцев и азиатов, египтян, лидийцев, скифов, эллинов, их нравы и темперамент, как странно они себя ведут, чем они хороши, чем плохи, в каких богов веруют и как следуют их заветам... И сразу же возникает множество вопросов: почему народы так непохожи друг на друга? Может быть, все дело в климате? Но тогда почему наши соседи ведут себя совсем не так, как мы? Что, если причина всех различий между народами – привычка и образ жизни? Или все дело в телосложении?

Имя Гиппократа ассоциируется, прежде всего, с медициной. Но, как и у большинства античных авторов, его кругозор и объем поднимаемых им вопросов намного шире. В своем труде «О воздухах, водах и местностях» Гиппократ сравнивает азиатов и европейцев:

...все в Азии рождается более красивым и более великим, и самая страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиной всего этого служит умеренность времен года, так как страна расположена в середине восхода солнца к востоку и дальше отодвинута от холода. ... в ней нет ничего, что брало бы верх через силу, но во всем господствует равномерность. ...и люди, упитанные, прекраснейшие на вид и по величине величайшие мало различаются по своему виду и величине... Но мужественный дух, выносливость к труду и смелость не могут рождаться в такой природе... по необходимости берет верх наслаждение. (Так) обстоит дело относительно египтян и ливийцев.

Европа, напротив, отличается резкими переменаами времен года:

...народы этих стран... больше различаются между собою, чем указанные выше, как вследствие перемен времен года, так и по местности. ...сильные жары, суровые зимы, многие дожди и снова продолжительные засухи и ветры, благодаря которым случаются многие и всякого рода перемены. ...грубость, дикость и отвага возникают в такой же природе, ибо частые возбуждения ума производят грубость нравов и, напротив, притупляют кротость и мягкость. Поэтому я считаю населяющих Европу более мужественными, чем азиатов, ибо равномерность вещей производит леность, а разнообразие возбуждает тело и душу к труду. И от покоя и лени возрастает трусость, а от упражнения и трудов – храбрость (Гиппократ 1994).

Обратите внимание, что здесь Гиппократ объясняет различия между людьми географическими обстоятельствами. Позже такой принцип обоснования особенностей поведения людей, их быта и нравов, а также характера культуры в целом стал называться *географическим детерминизмом*.

Географический детерминизм все объясняет климатическими условиями, природными ресурсами, горами, морями и иными особенностями местности: все в мире различно, потому что всем правит природа. По этим причинам одни народы встают на путь развития сельского хозяйства, другие – скотоводства, у третьих процветает рыболовный промысел.

«Отец истории» Геродот тщательнейшим образом описывает быт и нравы соседних народов:

«Нравы и обычаи лидийцев одинаковы с эллинскими, за исключением того, что лидийцы разрешают молодым девушкам заниматься развратом» (Геродот 1993, кн. 1(93): 42). «Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе на приданое» (Геродот 1993: 41)². Скифы жестки, жестоки и ведут суровый образ жизни; персы – мужественные воины, но при первой возможности склонны предаваться всем возможным наслаждениям и удовольствиям «по мере знакомства с ними», – уточняет Геродот (Там же: 55).

Особо важные решения у персов принимаются дважды: «За вином они обычно обсуждают самые важные дела... (Принятое решение. – М. Т.) на следующий день хозяин дома... еще раз предлагает [на утверждение] гостям уже в трезвом виде. ...И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю» (Там же: 55). Кстати, любопытный подход к пониманию истины: недостаточно рационально оценить, нужно перепроверить в разных состояниях сознания и сравнить. Вот у персов, как мы знаем благодаря Геродоту, была такая двойная проверка истины.

Земли севернее скифов за каменистой пустыней у подножия высоких гор населены людьми, лысыми от рождения. Дальше следуют

...недоступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами – другие люди, которые спят шесть месяцев в году. Этому-то я уж вовсе не верю. Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны. ...Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди (Геродот 1993: 193).

Обратите внимание, что Геродот пишет, постоянно сопоставляя соседние народы с эллинами. Это так называемый *этноцентризм* – когда представители другой культуры рассматриваются через призму своей собственной культуры, которая воспринимается как момент истины: у остальных народов все как бы не совсем правильно, не совсем так, как надо...

² Вероятно, речь идет о ритуальной храмовой проституции, которая была частью культа богини Кибелы, распространенного в Малой Азии и, в частности, в Лидии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.